

В ГОРЧИЧНОМ ЛЕСУ

Гулко дятел стучит по пустым
деревам, не стремясь достучаться.
Дождь и снег, пробивающий дым,
заплетаясь, шумят среди участка.
Кто-то, вниз опустивши лицо,
от калитки, все пуще и злее
от желанья взбежать на крыльцо,
семенит по размякшей аллее.

Ключ вползает, как нитка в ушко.
Дом молчит, но нажатие пальца,
от себя уводя далеко,
прижимает к нему постояльца.
И смолкает усилие в руке,
ставши тем, что из мозга не вычесть,
в этом кольцеобразном стежке
над замочною скважиной высясь.

Дом заполнен безумьем, чья нить
из того безопасного рода,
что позволит и печь затопить,
и постель застелить до прихода —
нежеланных гостей, и на крюк
дверь закрыть, привалить к ней поленья,
хоть и зная: не ходит вокруг,
но давно уж внутри — исступленье.

Все растет изнутри, в тишине,
прерываемой изредка печью.
Расползается страх по спине,
проникая на грудь по предплечью;
и на горле смыкая кольцо,
возрастая до внятности гула,
пеленой защищает лицо
от сочувствия лампы и стула.

Там, за «шторой», должно быть, сквозь сон,
сосны мечутся с треском и воем,
исхитряясь попасть в унисон

придыханью своим разнобоем.
Все сгибается, бьется, кричит;
но меж ними достаточно внятно
— в этих «ребрах» — их сердце стучит,
черно-красное в образе дятла.

Это всё — эта пища уму:
«дятел бьется и ребра не гнутся»,
перифраза из них — никому
не мешало совсем задохнуться.
Дом бы должен, как хлеб на дрожжах,
вверх расти, заостря обитель,
повторя во всех этажах,
что безумие — лучший строитель.

Продержись — все притихнет и так.
Двадцать сосен на месте кошмара.
Из земли вырастает — чердак,
уменьшается втрое опара.
Так что вдруг от виденья куста
из окна — темных мыслей круженье,
словно мяч от «сухого листа»,
изменяет внезапно движенье.

Колка дров, подметанье полов,
топка печи, стекла вытиранье,
выметанье бумаг из углов,
разрешенная стирка, старанье.
Разрешенная топка печей
и приборка постели и сора
— переносишь на время ночей,
если долго живешь без надзора.

Заостря-заостряется дом.
Ставишь заперты, что в них стучаться.
Дверь на ключ — предваряя содом:
в предвкушеньи березы участка, —
обнажаясь быстрее, чем велит
время года, зовя на подмогу
каждый куст, что от взора сокрыт, —
подступают все ближе к порогу.

Колка дров, подметанье полов,
находенье того, что оставил

на столах, повторенье без слов,
запиранье повторное ставень.
Чистка печи от пепла... зола...
Оттиранье кастрюль, чтоб блестели.
Возвращенье размеров стола.
Топка печи, заправка постели.

1963